

The background of the cover is a monochromatic blue-toned landscape. It depicts a deep valley with a river or stream flowing through its center. The river is surrounded by numerous tall, dark evergreen trees. In the distance, misty mountains are visible under a pale sky. The overall atmosphere is serene and somewhat ethereal.

Ekaterina Husser

НЕЗАМЕЧЕННЫЕ
часть I

18+

Сборник стихов

Ekaterina Husser

Незамеченные. Часть первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69445120

SelfPub; 2024

Аннотация

Как часто мы говорим о том, что многие творцы не были оценены по достоинству при жизни: были не поняты, были забыты? Иногда о существовании многих авторов мы не догадываемся десятилетиями. Это огромная трагедия для человеческой культуры. Именно эта тема прослеживается через весь сборник стихов нашего автора. Может быть, миру стоит быть более внимательным? Литература не учит, нет. Поэзия может шокировать, увлекать, умилять или наоборот доводить до слёз, возможно, кто-то даже жизнь переосмыслит, прочитав, то или иное произведение, но это уже личная история Читателя. Творец создал культурный код и передал его Вам. И как Вы поступите с его творением?

Содержание

Незамеченные	5
Имя	9
Муза	10
Бессонница	11
В наш век	13
Что будет завтра	14
Рождество	15
Отрывок из поэмы «Лабрис»	17
Вопли	18
До дна	20
Друг	21
Поэтам	22
Конвоир	24
Бахмут	26
Пропащий	28
Сыночек	30
Несчастные	33
Кража	34
Дон Жуан	36
Порядочность	38
Страшно мечтать	39
Куда подевались все гении	40
Семицветик	42

Именины	43
Без сомнения	44
Казалось бы	46
Последний путь	48
Братишка	50
Мама	52
Колокола	54
Свобода	57
Недругам	59
Грамотеям	60
Ой, да девица гуляет	61
Прощание	63
О, Мари	65
Тифлис	67
«Оппозиции»	69
Весеннее	71
Смирение	73
Ко мне во сне приходит господин...	74
П...	76
Ставленнику	78
Истина ли	80
Черновики	81

Ekaterina Husser

Незамеченные.

Часть первая

Незамеченные

Шумом
белым,
временами угрюмым,
под звон горьких рюмок,
под каким нынче трюмом
мы пльвём навесу,
на ветру?
Пахнем кровью,
а не парфюмом.
Подумай.
Я прошу.
Подумай.
Почему?
Почему?
Почему?
Теперь я уши заткну,

как тогда.
По нутру
полосну,
как тогда
никто не хотел слушать,
искали смыслы получше,
полегче,
подальше от тверди.
Не мщу,
я этого не люблю,
но ценю,
когда отступлю,
а жизнь раз и тревожит,
расставить всё сможет-
всю суть, будто одну
и односложно
всю правду разом съёжит...
Наш век давно поношен,
когда мы не к лицу,
подобно беглецу,
но гордецу
в былине
отныне
остаться на чужом, на берегу.
Мы незамеченные есть и были,
нас редко били

и теперь совсем не избыют.

Нас не узнают,

нас уже не узнают,

мимо пройдут

и это воровство похуже пытки,

когда утащат твоё имя прытко,

да с улыбкой.

И даже любопытно,

когда обратно доберусь,

вернусь,

вы вспомните всех тех,

кого не знали?

Безликих,

но великих!

И в печали

не забывают, как их звали,

хоть раньше не встречали.

Их путь-

сплошная муть,

кнут, что нельзя согнуть

и за душой нечего взять,

что бы в лицо швырнуть,

помпезно в мир шагнуть!

Нет ничего,

кроме той истины,

что бьётся

ВЫСОКО

и не достать своей рукой,
своей душой
без шума.

Ты замахни всего лишь пару рюмок,
да насладись нашей строкой.

Угрюмо.

Она не зря шла стороной.

Безумно.

Без триумфа.

По старой скользкой мостовой...

Имя

И забросила голову ввысь,
чтобы капли слетали в стороны,
а вокруг на меня псы
выли скалясь,
с цепей были сорваны.
Они к плоти моей рвались-
мною и будут те псы похоронены.
Мой удел зверя псом травить.
Моим именем и узаконенный.

Муза

Спасайте свои души.
Не нужно меня слушать.
Я не советчик в Гефсимании, в саду.
К свободе, к воле я не проведу.
Меня змий нежно душит,
но, если честно, неуклюже,
ему никак не поддаюсь.
Неправда это.
Не боюсь,
а брезгую.
Стыжусь?
Смеюсь!
К мольбам я равнодушен.
Мой срок давно отсужен,
когда весь год мне музой
каратель ваш служил.

Бессонница

По ночам не могу спать.
Я дала очень хрупкий завет:
Тихо жить и отныне молчать,
Ровно в девять гасить свет.

То ли бог простой, то ли жизнь
Взяли слово с меня навек.
То ли червь, то ли ямышь,
То-то больше не человек.

Не могу теперь днём спать.
Пред глазами глаза тех,
Кто не мог без меня встать,
Кто увидел вблизи мой бег.

Но пока не могу спать,
Пока стынет в груди гнев,
Имена буду их шептать,
Приглушая свой дикий рёв.

И до этой поры шаг
Боязливый, ты мне прости.

Поклянусь тебе: я не враг,
А заблудший в чужой степи.

В наш век

В наш век

уж слишком много прозы,
то длинной, то короткой.
Но, будто бы ковчег
нас подбирают строфы,
среди серых картотек
и быстрой перемоткой
минуя их занозы,
без дозы сквозь невроты,
не ведая угрозы,
не прикрывая век,
ты чтишь любимый текст,
сплетённый рифмой. В плёсе
ковчег смешной уносит.
Зачем? Никто не спросит.
Все жаждут перемен...

Что будет завтра

Что будет завтра? Скажи.
Мне вот привиделось солнце,
Что потонуло в болотце.

А может всплывут миражи,
Жизни пустой витражи,
Что так же тяжко жуётся,

Сделаешь вдох – разобьётся
И задохнётся в пыли.
А что сегодня? Спроси.

Кто-то в лицо рассмеётся.
И всё сначала начнётся...
Но терпение побереги.

Рождество

Дай книгу. Тебе почитаю,
пока за окном ветвь качает
сухую и гиблую. Знаю.
Сегодня трепещет в ветру
весь город.
Не стихнет к утру.
Учить я тебя не хочу,
вновь грущу
над старой историей.
Старой.
Которую древней кифарой
мне время протяжно сыграет.
Оно всё течёт и течёт,
когда же уже обожжёт
настолько уродливый род,
который лишь глупость несёт
и она нескончаема.
Знаешь.
Вздыхаешь.
Зачем был ягнёнок ему?
Скажи. Может быть, я пойму.
Спустя двадцать сотен мерцает,

как голову вверх подниму,
так светлая снова кивает,
пока не поддастся утру,
а я до него доживу.

Нет, не прогоню тишину-
она мне мила.

Не пугает,
а бережно лишь сохраняет
к святому в ночи рождеству...

Отрывок из поэмы «Лабрис»

Полотно в раз рукой прикрыв,
Ты считаешь-на этом всё.
Счёт закрыт. И на нём гриф.
Переписывай лист, Руссо!

Всё равно это был миф,
Всё равно, что судьбу грызём.
Это каторга. Не жизнь.
Сгинем, если не пропадём.

Посмотри, раз нетерпелив.
Издали. По проспекту втроём.
И сполна яда вкусив,
Мимо счастья без слов пройдёшь.

Вопли

Слышу вопли,
якобы с воли.
Сыпят проклятья,
но скрывают пароли.
Что ж не расскажут,
как побороли
злобного дядьку
на чёрном престоле?
Там, где бороли-
трон его в поле,
ваши угоды- его,
новосёлы.
Горе народу.
Самодоволен.
Горе уму,
что сомненьем неполон.
Болен, ты. Болен.
Тем недоволен.
Путь твой тяжёл
и не нужно символик.
Только не мой
тот король полуголый,

тот король наш-
нами не был уволен,
миром дозволен
под звон колоколен.
И не серчай,
ведь твой брат сердоболен.
Так же его перемололи,
так же скорбна
его вечная доля.
Стынет от страха,
иль бьётся от боли,
но не сбежит
от прописанной роли.
Руки в мозолях-
мир новый строить.
Ты подсоби,
чтоб уроки усвоить...

До дна

Под чарку сладкого вина
Читай мои стихи до дна
И помни, солнце, я мертва,
Меня ничто не беспокоит:
Ни оголтелая толпа,
Ни их пустые черепа,
Ни завершённая борьба,
В которой бесполезно спорить.

Каков был век? Таков и ты.
Среди нервной духоты,
Среди приятной слепоты
Гулял по миру с чашкой чая,
А возле каждой сироты,
Впредь не чураясь тесноты,
До черноты и тошноты
Слово живёт. Не умирает.

Друг

Я бы все дороги прошёл,
Всех врагов бы в пути поборол,
Я о дружбе все книги прочёл.
Дай мне руку свою – моя крепкая.

Никогда бы его не подвёл,
Если б даже в тайгу он забрёл,
Все преграды бы в миг обошёл
Ради дружбы! О, дружба заветная!

Я озяб бы под хладным дождём,
Пел бы песни, что мы не поём,
Для тебя позабыл милый дом.
Всё для друга, но тема запретная.

Друг мой больше ко мне не пришёл.
Он молчит. Тополь тоже отцвёл.
Фотографию нашу нашёл...
Моя дружба теперь безответная.

Поэтам

Вот так, старушка.

Мне не статья поэтом России.

Я для местного дна некрасива,

да и слова моего не просили,

оно бьёт по режимным так сильно...

И не вступится батюшка.

Честно,

не жди.

Позади

та эпоха. Всё смыли дожди.

Пропади

хоть сквозь землю,

но укромно цеди

сему.

Прошу. Не следи,

вытри ноги,

когда к поэтуходишь.

Своди

все концы воедино.

Мне не кажется.

Знаю, что мимо

тот звериный оскал,

лишь морщина
от него.
Я-святыня.
Не бог и не люд.
И в боях
нервы лишь не сдают.
Остальные предатели.
Мерзко.
Как проклятье
повисла повестка,
как смешно,
то всего лишь отместка,
а я славным поэтом зовусь...

Конвоир

Поступью тяжелы
Горе-ноги мои,
Руки свои разомкни, конвоир.
Не тушуйся. Отстоим.

Строфу свою читаю в глазах,
Но мы то в разных мирах.
Жалко тебя, что в стенах
Совесьть рассыпалась в прах.

Тонут в злорадстве шуты,
В нём же утонут вожди.
Истины в боли просты-
Нет уже сил для мечты.

Легче в назначенный час.
Что ты, угрюмый, припас?
Ложь прочитаешь с листа.
Разве же я не права?

Руки сомкни, конвоир,
Видишь, сломался шарнир.

Ноги мои тяжелы,
Поступью к горю веди.

Бахмут

Самый мёртвый город на Земле.
Он пронизан сотнями разрядов,
Он висит сейчас на фитиле,
Весь избитый тысячей прикладов.

Вслушиваясь дико в тишину...
Не мерещится мне стон дитя в закате.
Плач, который я не оттолкну,
Плач, что вырезан на циферблате.

До сих пор из-под завалов он
Рушит непреступную рутину,
Помнит окровавленный шеврон...
И мне помнить всё, пока не сгину.

Запах тлена всё мешал вдохнуть,
Тот обыденный морозный воздух,
Пепел тяжело с тех глаз стряхнуть,
Что так мило смотрят в безмятежность.

И поля, и головы гниют,
Пули разбивают все надежды,

Мёртвый город в век не погребут...

Крылья из наивности подрежьте.

Пропаций

Пропаций.

И адовое пламя
шептало на ухо тебе,
что кубок дребезжащий,
словно знамя
получишь ты в этой борьбе.
К хвальбе
корячится остывшая та совесть
и повесть
таки напишут,
ведь условность
важней,
чем истинный порыв.
Услышь,
пока ещё ты уязвив,
смог говорить
с тем, кто ревнив,
но вскоре
воедино всё сложив,
забыв,
что можешь быть брезглив,
каплей покажется

вдруг море
и в человечность дверь закрыв,
ты с упоением
насладишься ролью.
Уже сейчас я слышу сей мотив,
но истину не вытащить –
всегда труслив
нрав человеческий
и лжив.
Почти сошёл с ума.
От дна
уже не жаждет оттолкнуться,
дотянуться,
чтоб в эту каплю окунуться.
Ещё мгновение...
И с той же стороны
тебе пороки помогли споткнуться,
а мне останется лишь только ухмыльнуться,
да калачом дома свернуться,
когда заступят и твои часы,
если заступят...
И вовсе ли твои...

Сыночек

Свяжу тебе я, сыночка,
носочки.
Такие тёплые и мягкие,
чтоб выюга
не пробралась к твоим ногам.
Недуга,
чтоб не случилось
у чужой реки.
Листки уже опали от тоски,
не по-людски
с рукой пустой прощаться,
откуда ж полной
на селе ей взяться,
но то неважно,
некогда тужить,
не нам сыночек,
а тебе служить,
врагов всё колотить
в окопе,
да жить в крови,
словно в сиропе
застывшем на ветру.

К утру
я успокоюсь и умоюсь,
не усну,
меня теперь прибьют
к тому окну,
которое выходит на тропу,
на ту,
где мы тебя сейчас проводим.
Мы часто ведь ответов
не находим,
вот и сейчас я их
не нахожу,
смирившись, просто жду,
но боль то не проходит,
за нос водит,
рассказывает, что я зря грущу,
что зря ропщу,
ведь родину солдатом окрещу...
Но, вдруг тобой чужбину угощу?
И не дождусь тебя
на сломанном пороге,
мне давеча приснились
Пологи...
Письма давно нет,
видимо в дороге.
Я с богом больше месяца молчу,

не говорю и не хочу,
он лжёт мне,
остальное лишь предлоги.
Не уж то поразили так пороки?!
Не уж то бы могилы так глубоки?!
И сына ты вовек не заберёшь.
Врёшь!
Ты сына мне спасёшь!
Вернёшь.
Не уж то украдёшь?
Не верю.
Я настежь распахну все двери
и буду ждать свою потерю.
Может быть, всё-таки придёшь...
Когда свой пыл слегка умерю,
достану старые замеры,
ещё свяжу тебе носков.
Ещё теплее,
ещё мягче.
Сегодня солнце палит
жарче,
в дверях наш почтальон
всё плачет,
пришёл он не с пустой рукой...

Несчастные

Я глубоко несчастный человек,
Ибо все мысли мир к стене всё ставят.
Они остры, опасны, тем печалят,
Ведь очевиден смертника сей бред.

Хорда людская чаще мир ломает,
Чем смех сквозь слёзы в малохольный век,
Но в этот миг сердечность начнёт бег
И злоба с ненавистью тихо угасают.

Я, негодуя, возмущённо в думах жду,
Когда меня чёртово чувство уж оставит,
Слишком серьёзно оно ставки повышает,
Но я бороться с ним вовек не прекращу.

О, разум, ты не сможешь быть добрей,
Тем этот рок всё тяжелей и вяжет.
О, гений, ты же просто безобразен,
Со смертью того хуже – лицедей.

Кража

Так холоден
и повседневен
взгляд твой.

Мне не рад.

Бессмысленный наш променад
разбавит долгожданный снегопад,
но все снежинки вдруг утонут в луже,
в неё как будто бы и ты погружен...

Повисла, между нами, тишина,
её для нас разбила лишь волна
холодного, безжизненного моря.

Самое время
в него взглянуть и нам с тобою.

Прости, что беспокою,
но цепною
реакцией звонок мой предрекла
та мгла,

что обуяла,
позже рядом прилегла
и ты чужим отдался воронам.

Воры ведь!

Украли.

А потом делили поровну,
да знали,
чьё счастье без стыда забрали.
Мои проклятья не пугали.
Неверно толковали.
Тебя, я, верно, не спасу,
ведь не по силам и ферзю
стереть, иль уничтожить память,
она сама сможет оттаять,
когда исчезнет страх,
тогда в родных чертах
ты сможешь разглядеть отчаянье.
Тогда поймёшь, как неприкаянна
была тем днём моя душа.

Дон Жуан

Порою
чернотой
меня терзает взгляд твой,
внутри наперебой
мне ритмы напевают
о том, что знают
мой порок.
Короткий срок
у этих строк,
если они страсть не познают,
и приступы лишь нарастают,
когда мне в кровь всё проникают
твои сомненья, как клубок
и сгусток
нервных окончаний,
отрывистых признаний...
Разряд.
Электрошок.
Расширенный зрачок.
Бросок.
Счастлив от порицаний
фрегиднейших пираний,

фальшивейших рыданий
и разговоров впрок,
что покарает бог
за сей разврат.
Я знаю
и оттого стораю
сильней, чем раньше мог...

Порядочность

Если бы порядочность в цене
Так об землю с треском не упала,
Я вела б беседу при луне,
Тет-а-тет без шепота скандала,
Только с этим чувством наравне
Подлость нашу лодочку качала,
Лучше прогуляюсь по тропе,
Чтобы клевета Вас не терзала...

Страшно мечтать

Иногда страшно мечтать,
о земном забывать,
иль о неземном думать,
а вдруг кто по лицу захочет дать,
а я неосторожен?
Теперь отсутствием мечты
мой путь перегорожен,
я стал ничтожен.
Ведь разве что-то значу без мечты?
Пусты холсты,
когда ты в жизни переношен
и после брошен,
среди бессмысленной, убогой мерзлоты.
О, как же страшно без мечты.
Иль всё же...

Куда подевались все гении

Куда подевались все гении?

Сгинули?

Растворились

в сомнении,

во времени?

Кинули

все надежды в топку

и схлынули

за закрытый,

далёкий рубеж.

Хочешь режь

этим словом меня,

только брешь

не пробьёшь,

всё равно ведь переживёшь

и прочтёшь,

что оттуда так же бьёт по темени,

на родине темень ведь,

не хотеть впредь,

не посметь смотреть,

осталось только постареть,

а хочется немного спеть,

да не жалеть,
да знать, что за родной,
за стороной той,
за самой большой
не вымерли всё же
гении...

Семицветик

Цветик,
цветик-
семицветик.

Ты прекрасней всех на свете!

О, таинственный цветок,
как бы нам помочь ты мог.

На одном, на лепестке
напишу я «нет войне»,
на втором мать воскрешу,
да соседу-пацану,
третий по ветру пушу,
что б очистил Землю всю,
на четвёртом начертаю...

Что ещё? Кажись, не знаю.

Про седьмой тебе скажу...

Я его себе возьму,
а когда придёт мой срок,
то тихонько, между строк
на листочке напишу-
о покое попрошу.

А оставшийся росток
на могилке пусть цветёт...

Именины

Тридцать пятая весна постылая,
Но до неё ещё я не дошла...
Раньше времени к чему тогда унылая?
От чего ж тогда не весела?

От того, что кру́гом стая бесится,
Та, что жизнь свою уж прожила.
На извилинах хочу повеситься,
Но извилин в головах их не нашла.

От того мне страх повсюду чудится,
Что со мной схитрит так седина,
Вот и мучает меня опять распутица,
Вот и думаю об этом дотемна.

И не уж то старый мир не образумится?
Неужели за глаза всё ж изведёт?
Я до срока заблужусь-ка между сумерек,
Этот мир пусть только не найдёт.

Без сомнения

Ты можешь усомниться.

Твоё право.

Но я в своих слезах не сомневаюсь.

Я ими уже год как умываюсь.

Каюсь.

На мелкие осколки рассыпаюсь
и от бессилия в глаза ведь не смотрю,
всё лезвием по воздуху веду...

Нет, не могу,

ни не хочу,

и не молчу,

физически его не получу,

ни в радости,

ни в горе,

его кровью,

вместо слёз я не омою

те руки, что изрытые в бою.

Я их боготворю!

Завою

за глубоким морем

и снова свой вопрос заговорю...

Доколе?

Ну, скажи ты мне, доколе
так каждый вечер хоронить семью?

Казалось бы

Казалось бы...

Я уже всё сказала.

Мне неизвестно:

много,

мало,

устало,

быть может запоздало

слово твой разум достигало,

давало

шанс,

хотя бы раз,

среди пространств

впасть в декаданс,

испытывая диссонанс,

баланс без христианств.

Какой поэт без хулиганств,

Фемида?

Всё общество сердито,

без флюида,

фригидно,

ядовито,

довольно геноцида,

ведь в каждом символизме!

Не применяй к поэту

феминизм,

он чуждый для отчизн,

я в норме,

мне смешон

его снобизм,

в нём есть трагизм

и драматизм,

к чему сейчас мне

мучить строки,

не преподать им вам уроки,

они ведь не пророки,

мы им должны немногим

в таком скупом итоге,

в таком конце пути...

Сотри,

заколоти,

не жди

их на пороге,

отпусти,

а лучше сам уж вскользь пройди,

пускай останутся в истоке.

Последний путь

Изба.

Два флага.

Гроб и кнут.

На кладбище пока везут,
между печальных строк прочтут,
да, не поймут.

Внутри застрянут
боль и память,
которую перечеркнут
столетним долгом
тянет.

Трясиной вниз утянет,
ты станешь безымянен,
но на душе покой
омытый той слезой,
что вечною нуждой
народ сей покаянен.

В своей трагедии
он постоянен
и счастлив жить такой судьбой
сельчанин,
он завсегда́тай прихожанин

с сединой,
с покорной головой
безгранен.

Земля пусть пухом,
мы привстанем
и молча замахнём,
помянем,
все мы пройдем его тропой
и в лету так же канем...

Братишка

Братишка,
тише будь,
стоит ли быть,
нужно ли хранить
в воспоминаньях
тепло отчаянно,
тех сук,
что сами ищут путь,
где предадут.
Торг есть?
Есть ли торг?
Ну, ты ж не покупаешь торт.
Ты ж с такой жизнью катишь в морг!
Какой тут к чёрту некролог
я напишу,
что бы в восторг
тебя привёл
сей монолог.
Притормози.
И душу разгрузи,
не сказав
нутро своё.

Послушай.
Ну ещё нащупай
пульс своей руки,
иди,
иди уверенней,
не хлюпай,
как говорится,
мудрость к нам
приходит утром,
но к ней ты тоже
не беги,
она не меньше сука!
Сам себе разреши,
сам для своей свободы
сделай крылья,
края остынут ведь,
увидишь,
вот увидишь,
не спеши,
закончатся однажды муляжи
и в настоящей жизни
не умрёшь со скуки...

Мама

И звон в ушах моих стоит,
Всё от того, что ты забыла,
Как малышом его любила.
О, звон монет звучит...звучит...

Когда же сердце ощутит
Во что ты верность превратила?
Жадностью подвиг подменила,
В предательстве же жизнь дрожит.

Молчит. И разум твой молчит.
Войне ты сына не дарила-
За медяки ведь предложила
И душу то не тяготит

Сей стыд. Пронзит
Лучом, задушит солнцем
И не испить воды колодца,
На дне которого лежит,

Всплывать на свет и не спешит
Вся твоя совесть без остатка,

Да и любовь, что стала падкой.
И вот в гробу уж гвоздь торчит.

Колокола

Как ненавижу вас,
колокола,
но вот в деревне
брошенной и дикой,
людьми и богом
начисто забытой,
припорошённой
снегом до гола,
мне снятся всё же
два крыла,
что серебрятся купол, где,
под крышей,
меж шаткой дремоты
я голос слышу...
О, прекрати,
он точно не всевышний!
То шёпот мой,
сквозь сон он тихо вышел,
зовёт он тех,
кого ты вознесла,
да ждёт тепла...
Иди. Я не обижу.

О, проходящий,
когда же я лгала?
И поклянусь,
мне ненавистны
здесь колокола
и в каждом пролетевшем
мимо звуке,
не опустивши язвенные руки,
иные смыслы
заплела,
и в каждом проходящем
мимо лике-
Иисус распятый,
уж навеки,
все на своём
божественном кресте.
Кто и кого взял
всё же на поруки?
Кто захлебнулся
всё же в немоте,
признался в глухоте
и омыл руки?
Ты язв не залечил,
вот, погляди,
хотя бы и от скуки.
Вы все в Христе,

вы все рабы и слуги,
а я не выношу
колокола...

Свобода

Свобода.

Слаще сладкой ваты
и приторней она на слух.

Однако.

Это всё богатство,
а дальше исчезает дух.

Простое слово.

Столько смысла
и разум, кажется, разбух,
когда вложил

ты в эти ножны...

нет, не кинжал-
мудрость старух.

Свобода.

Чем ещё ты спятил?

Чем вновь ты объяснил её?

В какой момент ты крикнул «хватит»,
когда проснулось вдруг чутьё?

Свобода.

Это только слово,
к которому ты сердце рвёшь.

И знаешь,

ты прекрасно знаешь
в каких оковах жизнь пройдёшь...

Недругам

Куда?

Куда ты под меня
копаешь, лезешь?

Изнываешь.

Не по зубам
моя броня,
но ты, мой враг,
не отступаешь.

Как возбуждает ареол
поверх загадочного нимба,
то Аполлона произвол...

Я знаю, что тебе обидно.

Ты не серчай
в поганый час,
хоть ненависти и не видно...

Стихи мои-
с умом читай
и помни: мне за них не стыдно.

Грамотеям

О, бездыханное письмо.
Кому оно?
Зачем оно?
Скулит безжизненно перо.
Но для кого?
И для чего?
А я в стихах рыдать хочу,
мечтать хочу
и жить хочу,
а вы, подобно палачу,
предать желаете мечу
мою мечту.
Но дань отдам лишь одному
творцу сему,
венцу сему.
Как Александр завещал,
а он всё знал,
он точно знал
и без ошибок не писал,
язык таким не принимал,
и по ночам ведь спал...

Ой, да девица гуляет

Ой, да девица гуляет,
всё гуляет,
ой, да молодая
слёзы утирая,
куда голову, да приклонить
не знает,
ой, да девица всё причитает,
причитает,
каждую минуту вспоминает,
вспоминает,
как все жениха благословляют,
поздравляют,
как сражения героя закаляют,
закаляют,
только девица-красавица, то знает,
она знает,
что сражения любимых, дорогих
разъединяют,
ой, да девица вдоль реченьки гуляет,
всё гуляет,
в реченьку посмотрит и хворает,
всё хворает,

в реченьке всё суженный страдает,
да страдает,
каждый божий день
он снова умирает,
умирает,
ой, да девица калину собирает,
собирает,
ой, да девица тоску гоняет,
так гоняет,
ой, да молодая камешки кидает
и кидает,
а сегодня глядь,
а ей со dna жених моргает,
ох, моргает,
ой, да молодая к милому шагает
и шагает,
так теперь над девицей
водица нависает,
нависает,
только по земле жених её один хромает,
ох, хромает,
да без девицы своей уж не гуляет,
не гуляет...

Прощание

Я больше не мечтаю,
не пою,
мне солнце ясным днём
уже не светит,
привыкла...
Равнодушна к бытию
и неба разного мой взгляд
уж не заметит,
ну как же приколочена
к кресту
и как сойти с него-
Христос ведь
не ответит,
воскреснуть в этой жизни
не смогу,
а в следующей некому и встретить.
Мой рабский дом занозой,
что в мозгу
гниёт, так надоедливо
и больно,
пульсирует
и опухоль мою

он горячит
практически мгновенно.
Проститься с ним?
Не только старику
грозит быть непременно
убиенным,
но и молодой душе
в покое не уплыть...
Как выжить
вместе с именем нетленным?

О, Мари

О, Мари
расскажи мне,
мне расскажи
про каштаны,
шарфы,
про сомненья внутри,
про то, как мир
жил без любви...
Я сегодня,
как ты
примеряю шкафы,
но закрыты все дверцы.
Мои возгласы не слышны,
нас хотят протащить в тиши,
но мы ломимся прочь от смерти.
Не меняется.
Только взгляни!
О, Мари!
Только ссоры.
От них огонь горит.
Глупость по-прежнему в пору.
И жестокость хватает за вóрот.

О, Мари,
прости.
Почти век в пути.
Мой ответ тебе вновь вто́рит.
Они в вечном пути,
я их вижу, Мари,
как и ты...
Пусть весь мир спорит.
Не построит.
Клянусь.
Не построит.
Шорох только с ума сводит.
С шелестом на покой проводит,
с чьей-то лёгкой руки
уходи.
Уходите.
Прошу уходите.
И не смейте судить.
Не судите.
Храните.
Лишь строки храните.
На надгробие пишите мне
«Китти...»

Тифлис

Слегка прозрачный луч коснётся
Вершины гор, что вопреки
Томящейся моей любви,
В лицо мне снова усмехнётся.

Смотрю на них... Смотрю... Смотрю...
И не сдержу слезу простую,
Такую чистую, не злую,
Я, верно, нет, не воспарю.

Нет больше крыльев. Признаю.
Мне их срезали без остатка,
Летать, чтоб не было повадно.
Пред вами только и стою.

Тифлис о прошлом напевает,
Сочной лозою опьяняет,
Как другу верному скажу:
«Ценю ведь века седину,

По молодости не скучаю.
Из-за ничтожности скорблю,

Никак внутри не примирю.
Да, ты и сам об этом знаешь».

Смахнув укромную тоску
С миром по миру побреду,
Забыв про кровную вражду,
Теперь гляжу с вершины края.

«Оппозиции»

Не слыла я в миру тупицею,
Но понять одного не могу...
В час, когда я прощусь со столицею,
В час, когда мы теряем страну,
В час, когда с ума сходит юстиция,
В час, когда весь народ на краю
Перед нами плывёт экспозиция
Из героев известных в быту.
Из героев, из тех, чья позиция
Год из года мне лезла в глаза,
Словно добрая чья-то традиция,
Убеждала, что я не права.
И теперь эта вся коалиция,
Что твердила про будущий век,
Демократию, равенство, принципы
И гуманности щедрой прицеп,
Она самая, как инквизиция
С треском жжёт нашу жизнь на кресте!
Я же над миром сияю зарницею
И мотаюсь себе на винте...
Всё слилось. Это не репетиция.
Все взаправду предали свой дом...

Да, отчаливших бьёт эрудиция-
Прогодали ведь с новым вождём.
Не народная правит амбиция-
Личным именем хлюпает он!
Все в бою добрели до кондиции,
Всё горит жёлто-синим огнём!
А что я? Я останусь сестрицею,
Что жалеет тебя день за днём.
Разразилась опять дефиницею,
Но зато спать спокойно пойдём...

Весеннее

Сквозь пальцы
белый свет едва
ей пробирается в глаза,
ломается, дрожит,
сирень приветливо склонит
и тёплый ветер зашипит
чудесною порой...
Порой...Ею одной,
ею благой
сплетаются мечты...
И в этот миг
захочешь плыть
в ручьях талой воды,
в рожденье смысл погуби,
закрой глаза
и посмотри,
сквозь жизни звук,
сквозь робкий стук
на то, что жжёт внутри.
Без грусти новый день впусти,
его ж без грусти отпусти,
когда закат зальёт,

когда он ласково прильнёт
к груди,
и на руках твоих уснёт
в тиши...

Смирение

Мне надоели стерильные тексты,
взбухшие, будто тесто,
скисшие, как и вы сами
с через-чур напыщенными усами.
Ломаными пальцами листаю
книги, что я не читаю,
их не советую вместо
искреннего протеста.
Сдохло всё. Да, знаю.
Прозорливых уже не считаю,
неправильных вспоминаю,
помаюсь, чуток поскучаю,
на скользких годами меняем,
приторно-сладких не запиваем.
Теперь вне коробки
на узенькой тропке
жать некому руку.
И опять всё по кругу...
За ширмой стерильных текстов
в душе не осталось протестов!

Ко мне во сне приходит господин...

Ко мне во сне приходит господин...
Такой смурной и тёмный, будто чахнет,
Он с юности завидной нелюдим,
Камзол его неряшливо распахнут.

Я, чуть дрожа спросонья привстаю,
Тепло и жизнь лицо моё не красят,
Отцовский свитер напряжённо достаю,
Чтобы согреться, вдруг гость не опасен...

Идём к столу испить бокал вина,
В глаза бездонные прозрачные гляжу:
И от чего-то воля так пуста,
Да смерть измята... Этим и стыжу.

Душа от встречи нашей не раз съёжится,
Но с гордостью я яд из рук приму,
Когда с предательством идти уже невозможно-
С улыбкой на венке вяжу тесьму.

Так и молчим. Коль совесть перепятнана
К чему помпезность скуднейших речей?

Есть эта грань и никуда она не спрятана,
Оплата сего долга пострашней.

П...

Человек смотрит в окно

Тяжело

Человек сидит за столом

Дурдом

Человек едет в трамвае

Скучает

Человек идёт по дороге

В тревоге

Человек по клавиатуре

Заскулит

Человек стоит в очереди

Проповеди

Человек закурит

Потупит

Человек телевизор включит

Тормозит

Человек ест еду

В стыду

Человек глядит на дверь

Чернь

Человек вздыхает раз

В час

Человек моется в ванной

Плавно

Человек смотрит в зеркало

Исковеркано

Человек лежит на кровати

С него хватит

Ставленнику

Только если любишь – отпусти,
Отпусти багровые закаты,
Отпусти зелёные холмы,
Не держи подол, слегка измятый,
Не держи великие дубы,
Небеса, что так голубоваты,
Разведи шершавые мосты,
Те, что на изгибе чуть горбаты.
Знаешь, что уже пора уйти.
Её голос не был грубоватым,
Ношу больше вместе не нести,
Можно и не быть же виноватым.
Целый мир мог в дружбу обрести-
Мысли только снова мрачноваты...
Не живётся, милый, без любви,
Оттого и сон в руку проклятый.
Долг перед честными оплати,
Хоть они в сей час уже распяты,
Даже этот лист перелистни
Или вырви с чёртовой тетради.
Неужель не любишь? Отпусти.
Ведь её земля и совесть святы,

Дай ей ещё сотню лет цвести
В бело-алом праздничном наряде.
Можно без обиды и тоски
Красотой любимой любоваться,
Только если любишь... Ну, а ты
Так не любишь без войны сдаваться...

Истина ли

Дух мой по свету бродил,
Много дел он натворил-
Столько люди не творят,
Жертвенно построясь в ряд.
Он же меж рядов гуляет,
Да о вечном размышляет.
Не меняется натура,
Хоть живи глаза зажмурия.
Жизнь текла и обижалась,
Совесьть в лётах расплескалась,
Стыла истина в веках,
Порождая смрадный страх.
Дух мой принял мысль с рассветом,
Не раздавшись первоцветом:
Не неси миру добра-
Не воздастся тебе зла.

Черновики

Мне известно, что к черновикам моим прильнёшь
И с этого мгновенья не уснёшь,
Под тусклой лампой ищешь скорого ответа,
Надеюсь, что наступит скоро лето-
Корявый почерк мой не разберёшь,
Оставишь эту глупую затею
И по тропинке узенькой уйдёшь.
Не нужно. Смыслов острых не ищи,
Хотя листы на совесть ведь избиты
И стонут в пальцах, ношенных хрящи,
Глаза усталостью, как бисером обшиты.
Но если хочешь, то бери-читай,
Рыдай и бойся нового памфлета,
Пускай отнимется, потом замрёт душа,
Когда дойдёт и до трагичного куплета.
Таким я был, таким и в мир иной сойду,
Ты не дождёшься от меня автопортрета,
Ведь даже королевскому шуту
Не посвящал никто посмертного сонета...